

В феврале в Московской высшей школе социальных и экономических наук (МВШСЭН) прошла десятая международная конференция «Тенденции развития образования: кадры решают все?». В ее работе приняли участие представители 56 регионов России и 13 стран не только ближнего зарубежья, но и Англии, Канады, США, Германии и Франции. Кандидата педагогических наук, декана факультета менеджмента в образовании МВШСЭН Елену Ленскую такое пристальное внимание к вопросам образования не удивляет.

Учитель в стране чудес

Ключевые слова: десятая международная конференция «Тенденции развития образования: кадры решают все?», педагогические кадры, отечественное образование, подготовка будущих учителей.

– Елена Анатольевна, чем объяснить приезд на конференцию большого числа специалистов в области образования?

– С одной стороны, такой всплеск активности объясняется тем, что предыдущие конференции оказались интересными. С другой стороны, нами удачно была выбрана тема: все понимают, что ситуация с кадрами очень острая. Конечно, раздавались речи, мол, перестаньте называть людей словом «кадры». Но именно то, что мы сказали «кадры», а не «учителя», позволило нам существенно расширить тему. Мы обсуждали все человеческие ресурсы: речь шла и о педагогах, и о работниках управления, экспертах, которые нам понадобятся для оценки качества образования, и даже о непрофессионалах, которых мы могли бы привлечь к работе в образовании из самых разных сфер. Необходимо было понять, кто востребован сегодня, а кто будет нужен завтра.

– По сравнению с прошлым годом как изменилось число желающих участвовать в конференции?

– Такого количества заявок участников, около 600, как в 2013-м, у нас не было никогда, мы были вынуждены

некоторым даже отказывать, а на саму конференцию пришло почти 500 человек. С каждым годом регистрируется на 50–60 человек больше, а в этом – сразу на 200! Одних желающих выступить было больше 200, поэтому, чтобы дать возможность всем высказаться, мы устроили десять мультимедийных круглых столов, а не два-три, как в прошлый раз. Они работали в режиме нон-стопа, причем пять шли параллельными сессиями, так что приходилось выбирать, куда идти.

– Насколько мне известно, одним из организаторов конференции была Высшая школа экономики. Какова была ее роль в мероприятии?

– Высшая школа экономики – наш постоянный партнер и один из спонсоров этой конференции. Сводная команда ВШЭ, Российской академии образования, МГППУ и РАНХиГС провели очень любопытный круглый стол по педагогическому образованию, на котором поделилась своими идеями, связанными с реформами педобразования. Оно, как известно, почти не реформировалось в нашей стране с 1940-х гг. Менялись эпохи, но принципиальных новшеств

привнесено не было. Сам подход – проведение занятий в педвузах – ничем не напоминает того, что ожидается от учителя. В школе от него ждут интерактивности, а в вузах по-прежнему читают лекции. Кроме того, во всем мире педпрактика занимает половину времени обучения, у нас же, как правило, дело ограничивается двумя неделями. Интересно, что школы предпочитают брать на работу выпускников педагогических колледжей именно потому, что у них обширная практика. Они увереннее чувствуют себя в классе, а те, кто оканчивают вузы, часто теряются в первые дни работы. Сегодня педагогические вузы больше нуждаются в реформе, чем педколледжи, где ситуация более или менее благополучная.

– О каких же основных ориентирах отечественного образования можно вести речь?

– Много говорили, например, о том, что не надо готовить к профессии педагога все пять лет. Даже в нашем опыте есть апробированные перспективные модели, когда студент изучает предмет несколько лет, со временем понимает, что, скорее всего, великого ученого, например химика, из него не выйдет, но эта область науки ему нравится, поэтому он решает остаться в ней и становится учителем химии. Эту модель можно попробовать возродить, но тут важно не пытаться провести реформу сразу по всей стране. Главное апробировать несколько перспективных моделей и посмотреть, какие из них и в каких условиях лучше работают.

Кроме того, у нас много спорят о том, где лучше готовить будущих учителей –

в университетах или институтах. Так вот: все исследования, которые были проведены на эту тему, – а наша конференция отличается от других тем, что мы стараемся не рассуждать умозрительно, а опираемся на полученные данные, – подтверждают, что нет никакой разницы. Другое дело, что согласно международному исследованию по вопросам образования и повышения квалификации учителей математики (ТЕДС-М) собираются пойти в школу только 5 % студентов, хотя они прекрасно знают математику и неплохо владеют методикой.

– Тем не менее устроиться учителем в московскую школу не так легко...

– Верно, старение педагогических кадров в России происходит гораздо резче, чем в других странах. Учителей предпенсионного и пенсионного возраста у нас почти 70 % – это колоссальная цифра. Когда придет время и эти люди уйдут, школа оголится. Некоторые регионы как раз делились своей политикой в этой области. Например, на Ямале внедряется любопытная система с тремя дополнительными квалификациями: учитель, пройдя определенные испытания, может получить новый статус, т.е. стать наставником, исследователем или методистом, в зависимости от того, что он знает и умеет; таким образом, учебная нагрузка у него станет меньше и освободится место для молодых специалистов. Ямал вообще был одним из самых активных регионов на конференции. А в Красноярске создали Ассоциацию молодых педагогов, и, действительно, похоже, что трудоустройство выпускников в Красноярском крае с ее помощью стало происходить успешнее. Они даже придумали собственную систему повышения квалификации именно для молодых специалистов.

– Какой же учитель требуется новой школе?

– Как раз Исак Фрумин, директор Института образования ВШЭ, в докладе «Учитель, которого не будет» высказал свое отношение к тем стандартам, которые подготовили команды Владимира Шадрикова из ВШЭ и Евгения Ямбурга. У каждого из них есть свои достоинства: у Шадрикова детально разработаны квалификационные характеристики по са-

Во всем мире педпрактика занимает половину времени обучения, у нас же, как правило, дело ограничивается двумя неделями. Интересно, что школы предпочитают брать на работу выпускников педагогических колледжей именно потому, что у них обширная практика. Они увереннее чувствуют себя в классе, а те, кто оканчивают вузы, часто теряются в первые дни работы. Сегодня педагогические вузы больше нуждаются в реформе, чем педколледжи, где ситуация более или менее благополучная.

мым разным аспектам деятельности педагога, а Ямбург уделил больше внимания взаимоотношениям «учитель–ребенок». Но беда этих квалификационных характеристик в том, что такого разностороннего учителя просто не бывает. Это стандарт, который не адресован никому конкретно: глядя на него, учитель только заработает комплекс неполноценности. Дать эти документы педвузам в качестве ориентира невозможно: они не смогут реализовать этот стандарт. Те черты, которыми должен обладать идеальный учитель, названы совершенно правильно, но в итоге получился моральный кодекс строителей коммунизма!

Следует же подумать о минимуме требований, без которых нельзя допускать выпускника к работе в образовании. Речь на конференции шла о том, что всеми этими компетенциями должна обладать учительская команда школы, а не отдельный человек.

Вот английский стандарт – это более операциональная вещь, по сравнению с нашим, и в нем выделено несколько областей. Безусловно, учитель должен уметь, например, поддерживать дисциплину, а как раз этому не учат в российских педвузах, собственно, как и общению с родителями, которые могут задавать подчас жесткие, неудобные вопросы. Каждый учитель с этим сталкивается, и ему необходимо уметь себя вести в подобных ситуациях. А в наших вузах по-прежнему готовят предметников. Необходимо создавать стандарт для педагогических учреждений, чтобы они могли ориентироваться на него, а молодой учитель должен осознавать, что к идеальному набору компетенций надо все-таки стремиться. В английском стандарте написано, что молодой специалист должен понимать, к кому обратиться, если в его классе сидит ребенок с отклонениями в развитии, т.е. в школе должны быть специалисты, которые знают, как работать со слабослышащими, слабовидящими или детьми с синдромом Дауна. К слову сказать, у нас до сих пор мам уговаривают отказаться от таких детей. Обязательно должны быть люди, способные квалифицированно помочь в ситуации с инклюзией, у нас их называют чудовищным словом «дефектологи». Во многих странах, кстати, эти люди

Безусловно, учитель должен уметь, например, поддерживать дисциплину, а как раз этому не учат в российских педвузах, собственно, как и общению с родителями, которые могут задавать подчас жесткие, неудобные вопросы.

занимаются не только детьми со специальными проблемами, но и одаренными детьми, которым тоже надо помогать раскрыть свой потенциал.

– Сейчас профессиональное сообщество активно обсуждает стандарты дошкольного детства...

– Так как в МВШСЭН есть программа «Управление программами дошкольного образования и раннего развития детей», то, естественно, у нас была соответствующая секция. Предполагается, что в стандартах дошкольного образования, несмотря на то что я не знаю ни одного эксперта, который бы против этого не возражал, будут прописаны требования к качеству подготовки ребенка, а это значит, что его начнут тестировать, измерять его учебные результаты и оценивать. Мы постараемся этого не допустить. У ребенка есть право на детство.

– После таких конференций, как ваши, положение вещей меняется?

– Представители министерства всегда присутствуют при обсуждениях, и некоторые наши рекомендации попадают в документы министерства. Например, термин «педагогическая интернатура» впервые прозвучал именно на нашей конференции. Модель, когда учитель после вуза еще год сначала под руководством наставника или ментора работает в школе в качестве стажера, а в конце сдает квалификационный экзамен и только после этого получает диплом учителя, популярна в университетах многих стран. Школа при этом обязана предоставить место выпускнику и принять активное участие в его подготовке. Но мало вбросить словосочетание «педагогическая интернатура» в российский тезарус, надо создать первые прецеденты. Пока в нашей стране, насколько мне известно, их не было, но в самое ближайшее время готовится пилотный проект. Возможно, он состоится в Приморском крае.

Высокие результаты нужно считать единственным критерием успешной политики в области образования.

Кроме того, благодаря тому, что в предыдущие годы мы много спорили о понятиях «компетентность» и «компетенция», люди стали разбираться в том, что это такое. А тогда, когда мы это слово только-только привнесли в российский лексикон, люди понимали его весьма своеобразно. Так, в Англии выделено пять ключевых компетенций, которые должен освоить каждый ученик, у нас же в предыдущей версии стандарта было прописано 400 с лишним разных компетенций, которые тут же напридумывали наши ученые, не задаваясь вопросом, зачем, кому их столько нужно и компетенции ли это. Например, честность, как они собирались ее мерить? Ведь компетенции – это что-то наблюдаемое и проверяемое, путать с личностными качествами их не надо.

– Известна ли уже тема конференции 2014 г.?

– Нас интересуют инструменты реформы, т.е. средства, с помощью которых можно менять ситуацию. Было бы любопытно узнать, если зарубежные эксперты расскажут, благодаря чему их странам

удается продвигаться вперед, какие, на их взгляд, механизмы сработали, что содействовало высоким результатам, которые, как мне кажется, и нужно считать единственным критерием успешной политики в области образования. Так, некоторые страны Восточной Европы, которые, как и Россия, в 2000-м были в четвертой десятке по данным международного исследования школьников (PISA), уже через десять лет вплотную приблизились к первой десятке, это, например, Польша, Литва, Латвия, Словения. Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) проверяет, как 15-летние школьники применяют полученные знания в незнакомом контексте, насколько глубоко они понимают прочитанный текст. А что делают наши дети? Они начинают выполнять упражнение, не дочитав до конца задания, и в результате допускают ошибки. По среднему баллу мы еще сильно отстаем от европейских показателей. Научить этому можно, если учителя будут работать как единая команда и если, например, орфографические ошибки будут замечать учителя истории и математики, а не только русского языка, как это принято у нас.

Беседовала Наталья Бурова